

Крестовский Всеволод Владимирович

**Фотографические карточки
петербургской жизни. Очерки
Всеволода Крестовского**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Владимирович К.**
Фотографические карточки петербургской жизни. Очерки Всеволода Крестовского / Крестовский Всеволод Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 210 с.

ISBN 978-5-519-91079-8

ISBN 978-5-519-91079-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— То есть—расходы?

— Ну, разумѣется, расходы! Во-первыхъ—чай;—ужь мало-мало осьмушка выйдетъ, сахару тоже фунтовъ пять—это тоже мало-мало; пожалуй, иной разъ и больше выйдетъ; потомъ разныхъ разностей къ чаю—печеній, бисквитъ...

— Ну, мужчины этого не ѣдятъ... А вотъ ромъ такъ ужь надобно, и лимоновъ надобно—безъ этого нельзя. Потомъ закуска, ужинъ тамъ, что ли, *а ла фуриетъ*...

— Да, я полагаю—*а ла фуриетъ* лучше: оно и прилично и менѣе требовательно—гости не могутъ такъ взыскивать, какъ за ужиномъ настоящимъ. Потомъ—лампъ, свѣчъ.

И т. д., и т. д.—Супруги повергаются въ кладезь хозяйственныхъ расчетовъ, руководимые побужденіями отчасти скарднаго свойства: имъ хочется, чтобы это и дешевле было, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прилично, чтобы лицомъ въ грязь не ударить, потому—Маша, Катя, Лиза, Саша и проч. суть аргументы такого рода, которые необходимо тре-

буютъ соблюденія послѣдняго условія. Наконецъ сговариваются и рѣшаютъ цифру расходовъ.

— Теперь на счетъ дня: какой бы день удобнѣе назначить?

— Я полагаю — воскресенье.

— Нельзя. душа моя. воскресенье. Въ воскресенье у Юліи Филипповны вечера; этакъ только общество разобьешь и больше ничего.

— Ну. такъ въ субботу.

— Въ субботу?... Гмъ... Нѣтъ, и въ субботу нельзя; у Ивана Карлыча музыкальные вечера по субботамъ—мы приглашены вѣдь; никакъ не возможно!

— Ну, въ пятницу.

— Опять неудобство, Филать Іонычъ по пятницамъ ѣстъ постное и Фелісата Егоровна—тоже постное,—а два стола готовить—затруднительно.

— Ну, такъ и по средамъ, значить, тоже нельзя?

— И по средамъ нельзя,—во-первыхъ—Филать Іонычъ, а во-вторыхъ, Георгій Ми-

хайловичъ по средамъ въ оперѣ, а безъ Георгія Михайловича—и вечеръ не вечеръ.

Такимъ образомъ—по днямъ, вся недѣля по чему либо, оказывается то невозможною, то весьма затруднительною: различные Филаты Ионычи и Георгіи Михайлычи препятствуютъ назначенію избраннаго дня. Наконецъ, послѣ долгихъ и многодумныхъ размышленій, совѣщатели-супруги останавливаются на понедѣльникъ — потому понедѣльникъ день самый удобный; приходится онъ послѣ воскресенья, когда весь народъ гуляетъ и когда болѣе всего петербургскіе жители назначаютъ *журь-фиксы*. Вечеръ понедѣльника петербуржецъ чувствуетъ себя болѣе спокойнымъ и свободнымъ и потому скорѣе всего пойдетъ на *журь-фиксъ* къ какому нибудь Прохору Константиновичу и Марьѣ Ивановнѣ. А Марья Ивановна съ Прохоромъ Константиновичемъ, зная сію струну, и назначаютъ именно понедѣльникъ. — И при встрѣчѣ со всѣми знакомыми своими, первымъ же словомъ заявляютъ необыкновенно довольные собою:

— А у насъ *понедѣльники*! Приходите къ намъ на *понедѣльники*!

— Если позволите — сочту за особенную честь-съ... Непремѣнно-съ...

— У насъ *понедѣльники*, ваше пр-во! Позвольте надѣяться, что вы не откажетесь посѣтить насъ своею милостью — сдѣлайте намъ честь вашимъ посѣщеніемъ. Вы у насъ первый гость, ваше пр-во!

— Какіе дни, говорите вы, четверги?

— Понедѣльники, ваше пр-во, понедѣльники-съ!

— А, хорошо!... Какъ нибудь заверну, если случится близко. Хорошо, хорошо!..

— Иванъ Григорьевичъ, заходи-ко, братъ! У насъ *понедѣльники*. Его пр-во бываетъ... Закусимъ, выпьемъ, въ картишки перекинемся...

— Это я могу... Это по нашей части. Такъ и его пр-во бываетъ?

— Какже, какже! Постоянно бываетъ!

— А!.. непременно, непременно буду! Твой гость — надоѣмъ даже!

— Дарья Михайловна! У насъ *понедѣльники*,—его пр-во бываетъ... Какой милый человекъ — совсѣмъ свой, домашній... Надѣюсь, что вы не забудете нашихъ *понедѣльниковъ*? Мы стараемся, чтобы всѣмъ было *пріятно*: я, Дарья Михайловна, и Южкина пригласила. Напомните ему, когда увидите!

Дарью Михайловну внутренно передергиваетъ при имени Южкина, которому она очень симпатизировала и потому не хочетъ, чтобы другіе замѣчали эту симпатію; но тѣмъ не менѣе уколота Дарья Михайловна говоритъ, что *понедѣльниковъ* Марья Ивановна она не забудетъ и Южкину приглашеніе передастъ, а внутренно Марью Ивановну посылаетъ къ чорту и обдумываетъ, въ какомъ платѣкъ будетъ у нея въ первый *понедѣльникъ*.

— У насъ *понедѣльники*, monsieur Коробниковъ! надѣюсь васъ видѣть. Маша, Катя, Лиза и Саша очень рады будутъ вамъ... У насъ такое веселое общество... такъ все это радушно, семейно; болтаемъ, поемъ, танцуемъ... Такъ можно на васъ рассчитывать?

.

— Непремѣнно-съ!.. И monsieur Коробниковъ кланяется съ наипріятнѣйшею улыбкою.

Приготовленія къ званымъ днямъ отличаются такимъ характеромъ только въ среднемъ и преимущественно въ чиновномъ—замѣтьте, въ *чиновномъ*, но не въ *чиновничьемъ* кругу (это однимъ градусомъ выше, т. е. тамъ, гдѣ господствуетъ штабъ-офицерскій рангъ и *теплота* извѣстнаго рода). Въ кругу beau mond'a это дѣлается совсѣмъ иначе: тамъ хозяйка, при случаѣ, между прочимъ и почти вскользь, объявляетъ, что въ такой-то день она постоянно дома—и кончено; всѣ ужь такъ и знаютъ, что сей сонъ означаетъ.

Первый назначенный вечеръ отличается для хозяевъ особеннымъ значеніемъ и особенною торжественностью; еще съ утра полотеры внесли въ комнаты невыносимо спиртуозный запахъ мастики и умастили полы до сверкающего лоску. Горничная съ лакеемъ всѣ стекла перетерли, всю мебель крыломъ перепачнули, всѣ замки кирпичемъ перечистили. Марья Ивановна—сама, вмѣстѣ съ кухаркой,

утромъ сбѣгала на Сѣнную за провизіей и въ кондитерскую за десертомъ.

Прохоръ Константиновичъ самъ съѣздилъ въ винный погребъ и закупилъ рому, коньяку, водокъ и винъ. Вина двухъ достоинствъ: лучшее — для его пр-ва и пѣконхъ избранныхъ, похуже — для остальныхъ смертныхъ. Прохоръ Константиновичъ и картъ нѣсколько колодъ купилъ, изъ конхъ одну игру атласную, — собственно для его пр-ва; для его же пр-ва купилъ онъ и особенно изящныя щеточки и особенно изящныя мѣл-ки. Заѣхалъ къ Тентъ-Кате и купилъ сотню дорогихъ сигаръ въ 18 р., собственно для его пр-ва и немногихъ избранныхъ, коимъ разрѣшалось дымить вездѣ, во всѣхъ комнатахъ; затѣмъ Прохоръ Константиновичъ заѣхалъ въ первый попавшійся табачный магазинъ и купилъ сотню сигаръ Геллера, въ три съ полтиной цѣною — для всѣхъ остальныхъ смертныхъ, коимъ разрѣшалось дымить только въ его собственномъ, Прохора Константиновича, кабинетѣ, и то при дверяхъ затво-

режныхъ, дабы геллеровское зловоніе не проникло въ другія комнаты и не першило въ горлѣ дамъ и особъ возвышенныхъ.

И Прохоръ Константиновичъ и Марья Ивановна въ этотъ день почти и не обѣдаютъ—имъ некогда, недосугъ, они слишкомъ ажитированы, слишкомъ погружены въ хлопоты и распоряженія; они такъ только кое-чего *перехватили* изъ съѣдобнаго—и опять за работу.

Маша, Катя, Лиза и Саша тоже въ страшныхъ хлопотахъ и заботахъ. Онѣ съ ранняго утра загоняли и сбили съ ногъ свою горничную, которая то грѣла утюги и гладила имъ юбки, шемизетки, рукавички, то подшивала оборки, то припекала волосы и завивала *букль-д'амуры*. Марья Ивановна приказывала ей мыть подокопники,—Маша, Катя и Лиза съ Сашей приказывали убирать имъ головы, подшивать имъ платья, сбѣгать на Невскій за пудрой и вымыть поскорѣй тюлевые рукавички. Происходилъ антагонизмъ. Горничная не знала, что дѣлать, на что рѣшиться;

Маша, Катя и Лиза съ Сашей выбѣгали въ кухню къ Марьѣ Ивановнѣ съ выговоромъ Марья Ивановна съ выговоромъ же мчалась въ комнату Маши, Кати, Лизы и Саши—обѣ стороны сталкивались на подорогѣ и подымалась семейная баталія: — крикъ, шумъ, визгъ, пискъ, даже ругань, даже слезы, потомъ опять визгъ и ругань — и наконецъ хлопанье дверьми и фпціальная ругань на горничную, служившую въ этомъ случаѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, козломъ отпущенія.

Наконецъ къ вечеру все это кое-какъ улаживалось. Марья Ивановна облакалась въ новый чепецъ съ розовыми лентами и въ фамильную пунцовую шаль съ турецкими разводами — полученную ею въ приданое; Маша, Катя Лиза и Саша тоже выкатывались въ залу—какими-то распушенными амурами и принимались съ *особенною іраціей* ходить по комнатѣ и заглядывать во всѣ зеркала—такъ, какъ въ обыкновенное время онѣ никогда не ходятъ и никогда не заглядываютъ; то подойдутъ онѣ къ фортепьяно и попро-

буютъ голосъ, или пробренчать польку, то опять примутся ходить съ особенною граціей. Марья Ивановна повинимала изъ шкафчика все фамильное серебро, весь хрусталь, и занимается раскладкой понзящнѣ и попышнѣ купленныхъ фруктовъ, конфектъ и варенья,— и раскладываетъ все это такимъ образомъ, чтобы на видъ казалось десерту побольше, тогда какъ въ сущности его немного. Раскладываетъ она и даетъ лакею инструкціи какъ и что и кому прежде подавать — «да чтобы перчатки-то бѣлыя, нѣтъныя, надѣть не забыль-бы!» Прохоръ Константиновичъ самъ заранее откупориваетъ вина и сигары, ставитъ пенельницы и присутствуетъ самолично при заправкѣ лакеемъ лампъ и свѣчей и при чисткѣ зеленаго сукна на ломберныхъ столахъ.

Наконецъ лампы зажжены, все въ порядкѣ, все готово. Марья Ивановна и Прохоръ Константиновичъ, съ самодовольнымъ видомъ и потирая руки, выходятъ въ «парадные комнаты» полюбоваться эффектомъ и посмотреть,